

Человек в реформирующемся обществе. РОССИЯНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Автор: Н. Е. ТИХОНОВА

В предыдущей статье я постаралась объяснить, почему концепция модернизации, при всех ее минусах, представляется мне наиболее эффективной для анализа глубинной сущности происходящих в нашей стране изменений [Тихонова, 2005]. Там отмечалось также, что Россия переживает сейчас тот этап своего развития, когда основная масса населения в плане своих нормативных воззрений еще не оторвалась от "пуповины" традиционного общества, хотя процесс разложения этих представлений уже начался и развивается достаточно активно.

Теперь я хотела бы сосредоточить внимание на двух не менее важных для оценки степени продвижения России по пути социокультурной модернизации вопросах, а именно:

- особенности социально-экономических взглядов россиян, прежде всего их отношение к тому, могут ли объекты природы быть в частной собственности, и отношение россиян к частной собственности вообще;

- каковы группы, характеризующиеся доминированием сознания модернистского и традиционалистского типов.

Что касается природных ресурсов, то фазу надо отметить, что подавляющее большинство россиян убеждены, что они должны принадлежать всему народу (или его представителю - государству). Особо надо отметить, что эти взгляды очень устойчивы; если здесь и есть какая-то динамика, то она заключается в том, что убеждение россиян в необходимости общественной собственности на природные ресурсы в ходе реформ только крепнет (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, более 80% населения России твердо убеждены, что *природные богатства не могут принадлежать не только отдельным лицам, но даже населению какого-то отдельного региона*. Причем подчеркну - речь идет о *любых собственниках*, а не только получивших эти богатства незаконно с юридической точки зрения. А это значит, что нелегитимность частной собственности на природные богатства страны в общественном сознании все время будет подталкивать к использованию этой карты в политической борьбе. И дело здесь не в нюансах оформления той или иной компанией приватизационных документов, а в гораздо более глубоких и фундаментальных процессах развития общественного сознания и отторжении им той модели экономического развития, которая избрана сегодня в России.

Тихонова Наталья Евгениевна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-экономических систем и социальной политики Государственного университета - Высшей школы экономики, заместитель директора Института социологии РАН.

Таблица 1

Кому, с точки зрения российских граждан, должны принадлежать природные богатства России? (в %)*

Варианты ответа	2000 г.	2004 г.
Государству	41,4	43,3
Народу	39,4	41,6
Всем жителям территории (области, республики, края), на которой они расположены	9,3	9,9
Тем, кто непосредственно работает с этими природными богатствами (если речь идет о земле, то работникам колхозов или фермерам; если о полезных ископаемых, то тем коллективам, которые их добывают)	7,5	2,5
Тому, кто стал их официальным собственником в результате реформ последних лет	1,6	1,5
Кому-то другому	0,8	1,3

* В таблице, наряду с данными исследования "Граждане новой России...", использованы также данные общероссийского репрезентативного исследования "Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век", проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН в 2000 г. по общероссийской выборке (1776 человек), репрезентирующей население России по полу, региону проживания и типу поселения.

Если проанализировать эти данные дифференцированно, по социально-профессиональным и социально-демографическим группам, то оказывается, что в данном вопросе россияне проявляют удивительное единодушие, которое практически не зависит ни от возраста, ни от уровня образования, ни от типа поселения, ни от материальной обеспеченности. Даже среди самых "прорыночных" социальных групп (молодежи, предпринимателей, высокодоходных групп и т.д.) доля сторонников "общенародной собственности" на природные ресурсы не опускается ниже 75%. Готовы же признать право собственности на эти ресурсы за теми, кому они принадлежат сегодня в соответствии с юридически оформленными правами, лишь 1,5% опрошенных. Наибольшей величины данный показатель, как и следовало ожидать, достигает в группе предпринимателей, но и там он составляет всего 3% (в 2000 г. - 5%, то есть даже в этой группе наблюдается тенденция снижения легитимности собственности на природные ресурсы тех, кому они сегодня принадлежат "по закону").

Данные исследований позволяют говорить также об *устойчивом тяготении россиян к смешанной экономике с сильной регулирующей ролью государства и его доминирующим присутствием в большинстве отраслей*. Одной из ярких иллюстраций этого стали ответы на вопрос о том, в каких отраслях и сферах экономики должна доминировать государственная, а в каких - частная собственность.

Судя по полученным данным, россияне считают, что *все стратегические отрасли и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства*. Причем применительно к части отраслей (сырьедобывающие отрасли, энергетика, высшее образование, железнодорожный транспорт и пенсионное обеспечение) этой позиции придерживается три четверти населения, а по электростанциям и нефтедобыче число сторонников чисто государственной собственности доходит даже до 85,7% и 80,2%, соответственно. Самое удивительное, что эти показатели превышают 70% даже в группе предпринимателей, имеющих наемных работников. Более того, и предприниматели, и молодежь, и люди с высшим образованием, и жители мегаполисов практически не отличаются от среднего россиянина по их отношению к роли государства в экономике, что лишний раз говорит

Таблица 2 Динамика мнений россиян в возрасте 16 - 65 лет о том, какие учреждения и отрасли должны управляться государством, а какие - частным сектором (в %*, проранжировано в порядке убывания доли стремящихся видеть доминирование государства в соответствующей отрасли)

Отрасли	Должны управляться:					
	государством		частным сектором		и государством, и частным сектором	
	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.
Электростанции	85,7	88,4	2,0	1,7	12,2	9,3
Добыча нефти	80,2	74,8	2,7	3,7	17,1	21,3
Угледобывающая отрасль	76,9	74,2	3,4	4,5	19,8	21,0
Железнодорожный транспорт	76,7	82,4	2,6	3,3	20,7	14,0
Вузы	73,2	73,4	1,	2,5	25,6	23,7
Школы	73,0	67,8	1,5	3,4	25,5	28,5
Пенсионные фонды	71,5	75,1	2,2	1,5	26,3	23,0
Металлургические заводы	70,1	69,8	4,2	4,7	25,7	24,8
Авиационный транспорт	69,8	68,8	4,2	4,5	26,0	26,4
Медицинское страхование	60,0	61,3	4,2	4,2	35,8	34,0
Больницы	55,1	55,2	2,4	2,5	42,5	42,1
Театры, музеи, библиотеки	54,0	56,7	4,8	4,7	41,1	38,2
Сельскохозяйственные земли	50,6	42,0	11,0	15,6	38,4	42,2
Телефонная связь	40,9	56,7	10,2	6,0	48,8	36,7
Эксплуатация жилищного хозяйства	40,3	42,0	11,2	10,1	48,5	47,4
Банки	40,1	44,9	7,2	6,3	52,7	48,5
Строительство и предоставление жилья	37,0	38,6	5,5	6,6	57,5	54,6
Дорожное строительство	36,2	40,5	10,2	9,6	53,7	49,4
Радио	31,9	41,0	11,3	7,5	56,9	51,3
Телевидение	31,5	40,2	11,0	7,5	57,5	52,0
Газеты	27,5	33,7	11,9	8,9	60,6	57,0
Производство продуктов питания	26,6	23,4	14,0	15,7	59,4	60,6

* Жирным шрифтом в таблице выделены те позиции, по которым за 6 лет, прошедших между опросами, изменения превысили 5%.

об устойчивости соответствующих воззрений, вытекающей из основополагающей роли государства в мировоззрении россиян.

Как видно из таблицы 2, в основе своей взгляды россиян на проблему присутствия государства в экономике за последние 6 лет практически не изменились, и основную массу отраслей они хотели бы видеть государственной. Из 22 позиций всего по 8 (нефтедобыча, железнодорожный транспорт, школы, сельскохозяйственные земли, телефонная связь и все виды СМИ) показатели изменились за 6 лет, прошедших между опросами, более чем на 5%. При этом по нефтедобыче, школам и сельскохозяйственным землям взгляды россиян ужесточились, что, видимо, связано как с бурными дискуссиями последнего времени по поводу нефтедобычи и сельскохозяйственных земель, так и с собственным печальным опытом россиян от общения со школой, где смешение в одних и тех же учреждениях государственных и рыночных начал привело в итоге к одновременной утрате плюсов и государственных, и частных школ.

В то же время по поводу СМИ и, особенно, телефонной связи, взгляды россиян за последние годы заметно смягчились. Что касается СМИ, то многие, видимо, убедились за

эти годы в плюсах сосуществования и частных, и государственных СМИ. Кроме того, как отмечалось в [Тихонова, 2005], россияне в большинстве своем оставляют за государством право пресекать деятельность СМИ, если она идет вразрез с государственными интересами. Таким образом, они считают, что СМИ могут быть как государственными, так и частными, но и частные СМИ должны действовать в русле государственной политики. Что же касается телефонной связи, то бурный рост сторонников сосуществования в этой области предприятий разных форм собственности, несомненно, заслуга столь же бурного развития мобильной телефонии за последние годы.

Тем не менее главное осталось за эти годы неизменным - подавляющее число россиян хотят видеть большинство отраслей государственными. Причем это не только такие отрасли экономики, как электроэнергетика, нефтедобыча, угледобывающая отрасль, железнодорожный и авиационный транспорт, металлургия, но и отрасли социальной сферы - пенсионное обеспечение, здравоохранение, культура, образование. Таким образом, *россияне хотели бы видеть полноценное присутствие государства во всех стратегических отраслях экономики и полноценные государственные социальные гарантии во всех областях социальной сферы.*

В этой связи надо сказать, что часто приходится сталкиваться с точкой зрения, что модернизация сознания россиян должна происходить чуть ли не автоматически, что по мере замещения поколений, выросших в советское время, поколениями, чья социализация пришлась уже на период рыночных реформ, произойдет коренное изменение отношения россиян к роли государства в экономической жизни. Как показывают данные наших исследований, подобные ожидания не имеют под собой серьезных оснований (см. табл. 3).

Как видно из таблицы 3, хотя позиции разных возрастных когорт несколько различаются между собой, в качественном плане эти различия затрагивают всего три пункта - учреждения культуры, больницы и сельскохозяйственные земли. Именно по этим трем позициям в возрастных когортах до 35 лет включительно большинство готово видеть на равных государство и частный сектор, а люди старше 35 лет предпочли бы в большинстве своем видеть соответствующие отрасли в управлении у государства. Что касается всех остальных отраслей, то по ним наблюдается единодушие большинства во всех возрастных когортах. При этом наименьший разрыв между когортами (менее 10%) наблюдается в отношении дорожного строительства, а наибольший (26,9%) - в отношении земель сельскохозяйственного назначения.

Более того, сравнение данных исследований 1998 и 2004 гг. показывает, что молодежь, несмотря на вступление в самостоятельную жизнь выросшего уже в период реформ поколения, отнюдь не стала от этого более "рыночно настроенной". Показатели младших возрастных когорт образца 1998 и 2004 гг. колеблются незначительно, и хотя по некоторым позициям, например телефонной связи, наблюдается значительный (свыше 10%) рост сторонников негосударственного сектора в этой отрасли в составе молодежи, по большинству других просматривается, скорее, ужесточение ее позиций. Так, число сторонников чисто государственного авиатранспорта выросло в младшей возрастной когорте за 6 лет на 10,5%, государственного управления школами - на 8,1%, нефтедобычей - на 6,5%, сельскохозяйственными землями - на 5,5%.

Это не означает наличия у россиян антагонизма к частной собственности как таковой. Наоборот, сама по себе она вызывает положительную реакцию. Однако россияне всех возрастов и из всех социально-профессиональных и социально-демократических групп твердо уверены, что частная собственность должна носить подчиненный характер, лишь сопутствуя главной - государственной - форме собственности.

В этой связи особое значение имеют вопросы о том, есть ли в российском обществе реальные носители модернизированного сознания, и если есть, то что отличает эту группу от всех остальных. Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, я предприняла попытку вычленив в рамках имевшихся массивов социологических данных респондентов, чье *видение мира строилось бы на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы*, словом, представляло бы собой картину мира, ха-

Таблица 3 Мнения различных возрастных когорт о том, какие организации, предприятия, отрасли должны управляться государством (в %*, проранжировано в порядке убывания доли стремящихся видеть монополию государства в соответствующей отрасли в младшей возрастной группе)

Отрасли	Возрастные когорты				
	16 - 25 лет	26 - 35 лет	36 - 45 лет	46 - 55 лет	56 - 65 лет
Электростанции	74,1	83,8	89,8	90,9	90,3
Железнодорожный транспорт	67,3	71,9	78,6	83,8	82,2
Вузы	67,6	69,4	70,9	78,7	79,6
Добыча нефти	64,9	79,1	84,4	87,0	86,3
Пенсионные фонды	64,6	66,7	67,3	77,2	81,7
Школы	64,1	69,2	73,0	78,2	80,7
Угледобывающая отрасль	62,4	75,1	80,9	84,8	81,4
Авиационный транспорт	59,0	65,7	69,4	77,0	78,1
Металлургические заводы	54,6	68,9	74,2	77,7	75,6
Медицинское страхование	50,2	56,2	61,0	65,9	67,2
Театры, музеи, библиотеки	46,3	49,0	55,9	58,3	60,8
Больницы	45,9	48,8	55,9	60,8	64,4
Сельскохозяйственные земли	35,9	47,5	51,5	55,9	62,8
Эксплуатация жилищного хозяйства	35,6	36,3	40,6	43,9	45,3
Банки	32,9	35,1	40,1	46,3	46,3
Дорожное строительство	32,2	29,4	34,9	41,4	43,0
Телефонная связь	32,0	34,1	42,6	47,5	48,9
Строительство и предоставление жилья	29,3	32,8	36,2	42,9	43,8
Телевидение	24,4	29,1	28,1	33,3	42,7
Радио	23,9	29,1	29,1	34,3	43,3
Газеты	20,5	25,9	26,8	30,4	34,4
Производство продуктов питания	20,2	21,9	28,6	27,2	35,6

* Жирным шрифтом в таблице выделены позиции, по которым наблюдаются качественные различия в младших и старших возрастных когортах.

*рактерную для эпохи модерна*¹. Как оказалось, эта группа сравнительно невелика и составляет всего четверть населения страны в возрасте от 16 до 65 лет. *Как массовая социальная группа, имеющая модернизированный тип сознания, она еще только начинает формироваться в российском обществе, хотя история ее "ядра" достаточно длительна* (вспомним хотя бы традиционный для России спор "западников" и "славянофи-

¹ Для выделения этой группы и полярной по отношению к ней группы традиционалистов был построен специальный индекс, состоявший из ответов на 9 вопросов - выбор в дилемме общество индивидуальной свободы или общество социального равенства, выбор в дилемме демократия/безопасность, согласие/несогласие с тем, что России подходит западный путь развития, ориентация на инициативность или следование традициям, отсутствие/наличие патерналистских ожиданий по отношению к государству, представление о том, что нужно России в первую очередь - хорошие законы или хорошие руководители, а также согласие или несогласие с тем, что государство должно отстаивать интересы общества в целом, а не каждого гражданина, с тем, что государство имеет право ограничить свободу слова, если пресса нарушает интересы государства, и с тем, что правительство имеет право влиять на правосудие, если этого требуют интересы государства. В итоге в группы "модернистов" и "традиционалистов" были включены те, кто выбрал не менее 5 суждений (то есть больше половины), свидетельствующих о той или иной мировоззренческой ориентации, а остальные попали в промежуточную группу. Надо сказать, что ужесточение требования отнесения к группе модернистов всего лишь на 1 дополнительную позицию из приведенного выше списка приводило к сокращению этой группы с 26% до 15% и, судя по полученным данным, в этом случае вычленилось устойчивое и довольно однородное ядро группы. В избранном же здесь варианте в нее попадала и "периферия" данной группы.

Рис. 1. Специфика ценностных ориентации в группах с разным типом ментальности (в %, без затруднившихся с ответом).

лов"). А следовательно, сознание многих представителей этой группы еще только освобождается от остатков традиционалистской картины мира и во многом противоречиво в своих оценках.

Ей противостоят довольно многочисленная (41% всех россиян в возрасте 16 - 65 лет) группа последовательных традиционалистов и насчитывающая треть населения промежуточная группа, по большинству значимых вопросов примыкающая к традиционалистам, но не столь жестко последовательная в своих суждениях, как они. Каждая из выделенных групп имеет отличные от других идейные ориентиры и идеальные модели общества, в котором она хотела бы жить (см. рис. 1).

Кроме того, **традиционалисты** в массе своей (около 70%) убеждены, что СССР был первым государством во всей многовековой истории России, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь. Почти 80% характеризовала эмоциональная макроидентичность с Советским Союзом, и для большинства из них крах СССР означал и личный крах, разрушение всего, во что они когда-то верили. Традиционалисты не составляли социальную базу реформ 1990-х гг. даже в момент их начала, более того, почти половина из них были уже в тот период их противниками. Впрочем, это естественно, если учесть, что две трети этой группы убеждены, что для России не подходит западный тип развития. Неудивительно, что больше половины этой группы хотели бы жить в эпоху Л. Брежнева, а почти каждый седьмой - даже в сталинскую эпоху. И действительно, учитывая, что свыше 80% группы традиционалистов имеют патерналистскую ориентацию, а почти 80% ориентированы на следование привычным канонам поведения, а не на инициативу и предприимчивость, именно эпоха Брежнева была их "золотым временем".

С точки зрения представлений традиционалистов о желаемом типе общества важно отметить, что им чужды идеалы правового государства. Две трети из них считали, что хорошие руководители важнее хороших законов, столько же были абсолютно убеждены, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, и практически поголовно они предпочитали твердую власть с гарантиями личной безопасности полной демократии. Те из них, кто смогли определиться со своим политическим выбором, в основном идентифицировали себя как сторонников коммунистической идеологии или самостоятельного русского пути развития.

Учитывая вышесказанное, неудивительно, что лишь четверть традиционалистов положительно относятся к понятию "рынок" и 38,4% - к понятию "частная собственность". Менее половины из них видят в предпринимателях социальную силу, способствующую развитию России, и всего около 40% воспринимают крупные банки в числе структур, этому способствующих.

Модернисты чаще всего полагают, что в СССР со справедливостью и приличной жизнью не все было в порядке. И хотя около половины из них в советский период своей жизни ощущали причастность к этому большому сообществу, для большинства из них крах СССР все же не повлек за собой краха их личного мировоззрения. Это они были социальной базой реформ в момент их начала, да и сейчас лишь четверть этой группы видит в реформах 1990-х гг. больше минусов, чем плюсов. Естественно, что почти две трети модернистов предпочли бы жить в современную эпоху, а каждый десятый - в России конца XIX - начала XX вв. Эпоха Брежнева среди них мало популярна.

С точки зрения особенностей их ценностных ориентации, модернисты - сторонники инновационного, инициативного типа поведения. Они рассчитывают в основном на собственные силы, очень высоко ценят индивидуальную свободу и вообще на первом месте для них отдельный человек и его права, а не макрообщность. Две трети из них - сторонники общества индивидуальной свободы, а не социального равенства. Учитывая это, неудивительно, что почти 70% этой группы полагают, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые подходят и россиянам.

Особенности политических и социально-экономических взглядов модернистов вытекают из особенностей их мировоззрения в целом. Так, большинство из них убеждены в необходимости политической оппозиции. Как правило, они идентифицируют себя в политическом спектре как центристов или сторонников радикальных рыночных реформ, а с такими понятиями, как "индивидуум", "демократия", "конкуренция", "прибыль", "рынок" и "частная собственность", у них связываются в основном положительные ассоциации. Неудивительно, что 83,4% из них видят в предпринимателях социальную силу, способствующую развитию России, а 64,3% рассматривают в качестве таковой крупные банки. Что касается специфики их представлений о взаимоотношениях человека и государства, то они отчетливо тяготеют к правовому государству.

Как видно из рисунка 2, по трем позициям из пяти взгляды традиционалистов и модернистов прямо противоположны. Особенно ярко разница между ними проявляется при ответах на вопросы о *праве государства ограничивать свободу прессы и оказывать прямое давление на суд*, причем в последнем случае промежуточная группа стоит скорее на позициях модернистов, чем традиционалистов, и это единственный из значимых вопросов, где она примыкает к модернистам. Что же касается двух последних позиций (о национализации предприятий, наносящих вред интересам государства, и соотношении социальной справедливости и интересов предпринимателей), то близость позиций по ним групп с разным типом мировоззрения свидетельствует: *для всех россиян, независимо от их мировоззрения, социальные функции государства, понимаемые в широком смысле слова, как необходимость выразить интересы общества в целом, важнее функций обеспечения им условий для эффективной экономической деятельности*. Частным случаем этого выступает и близость мнений представителей различных мировоззренческих групп по вопросу об оптимальной для России модели социальной политики.

Та же тенденция сближения позиций модернистов и традиционалистов прослеживается и в социально-экономических аспектах мировоззрения россиян. Подавляющее большинство из них *в принципе не против рыночной экономики как таковой, даже традиционалисты относятся к ней положительно*. Именно поэтому население довольно спокойно восприняло экономические реформы 1990-х гг. Негативное отношение к этим реформам связано отнюдь не с тем, что люди являются идеологическими противниками рыночной экономики, а с тем, что дивиденды от ее введения получили не они (добавим - и не могли получить, относясь в большинстве своем к наименее образованной, квалифицированной и "социально слабой" части общества). *При более благоприятном развитии личных обстоятельств традиционалисты были бы в большин-*

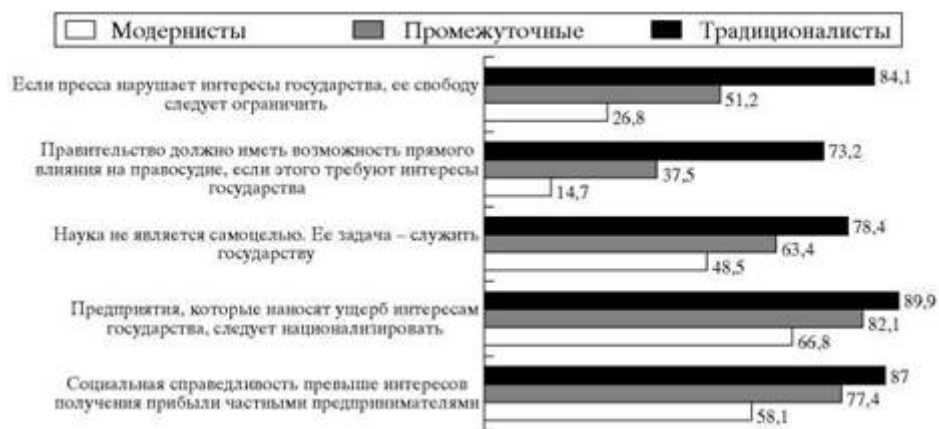

Рис. 2. Специфика представлений о взаимоотношениях государства и общества в группах с разным типом ментальности (в %, без затруднившихся с ответом).

Рис. 3. Специфика представлений о взаимоотношениях государства и общества в группах с разным типом ментальности (в %, без затруднившихся с ответом).

стве своем активными поборниками рыночной экономики, только в ее малоконкурентоспособном для современных условий варианте, больше соответствующим той социокультурной модели взаимоотношений общества, государства и личности, которая типична для их мышления.

Достаточно консенсусным в группах с разным типом мировоззрения было и видение распределения государственного сектора и смешанной экономики по отраслям. И среди модернистов, и, тем более, среди традиционалистов большинство хотели бы видеть государственным авиа- и железнодорожный транспорт, электростанции, добывающие отрасли, металлургические заводы, а также образование и пенсионное страхование. При этом модернисты в большинстве своем допускали в остальных отраслях экономики и социальной сферы сосуществование государственного и частного сектора, а большинство традиционалистов допускали частный сектор из предложенного в ходе исследования списка только в строительстве и эксплуатации жилья, СМИ, дорожном строительстве и производстве продуктов питания. Не было качественных различий между ними, за исключением определения роли государства в здравоохранении, и в вопросе о роли государства в отраслях социальной сферы.

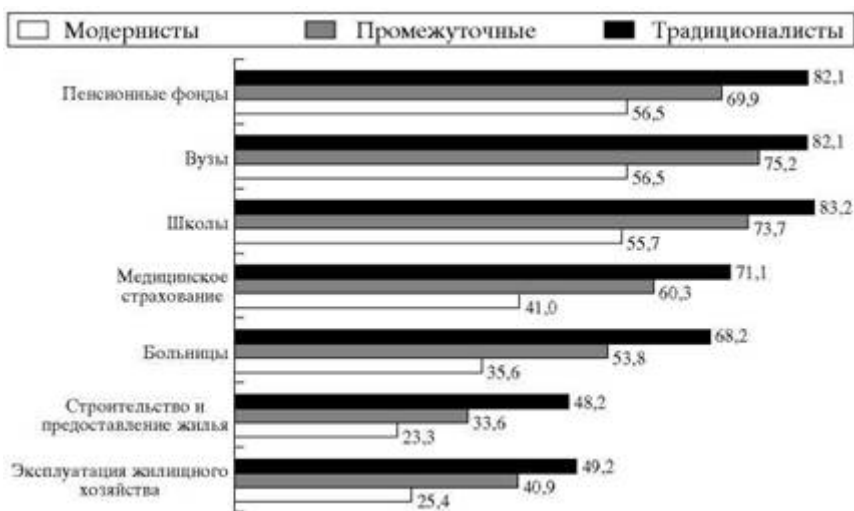

Рис. 4. Мнения различных мировоззренческих групп о том, какие организации и отрасли социальной сферы должны управляться только государством (в %, без затруднившихся с ответом).

Таким образом, независимо от возраста и степени "продвинутости" их мировоззрения, как, впрочем, и от таких факторов, как место жительства, профессиональный статус, образование и т.д., основная масса россиян хочет видеть доминирование государственной собственности или по крайней мере государственного управления с соответствующей системой государственных гарантий. Даже среди предпринимателей около 80% предпочли бы видеть, например, электростанции в управлении только у государства, да и в остальных позициях их взгляды были ничуть не более либерально-рыночными, чем у младших возрастных когорт или модернистов.

Однако желание видеть доминирование государства в экономике не означает для большинства россиян возврата к огосударвлению всего и вся, а тем более - к плановой экономике. Во-первых, как уже отмечалось выше, у россиян нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отторгается, и не только потому, что они сами проиграли при ее утверждении, но и потому, что она, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. А во-вторых, как было показано выше, в ряде отраслей нестратегического характера, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство россиян считают необходимым доминирование смешанной экономики. Это относится к строительству и эксплуатации жилья, СМИ, дорожному строительству, финансовой сфере, телефонной связи, пищевой промышленности. Причем безусловный приоритет здесь отдается развитию частного сектора в пищевой промышленности и печатных СМИ.

Хотя доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте две трети ее представителей все же предпочитают существование в России смешанной экономики, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под жестким контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. Фактически речь идет о возрождении модели нэпа, которая, видимо, потому и дала в свое время такой колоссальный экономический эффект, что в наибольшей степени соответствовала социокультурным особенностям россиян. Более того, эти представления остаются очень устойчивыми, хотя по отдельным частным вопросам и могут слегка видоизменяться под влиянием нового опыта. А это значит, что в ближайшие годы не следует ждать изменения позиций россиян в этом вопро-

се. В российском обществе *нет сколько-нибудь массовых групп, которые способны были бы обеспечить сдвиг представлений россиян об оптимальной модели социально-экономического устройства и в среднесрочной перспективе.*

Таким образом, *если в вопросе о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека в российском обществе сосуществуют группы с противоположными типами мировоззрения и процесс социокультурной модернизации в этой области, хотя медленно и мучительно, но все же идет, то с экономическими воззрениями россиян и их взглядами на социальную политику картина принципиально иная.* Даже та часть россиян, которая выступает сторонниками индивидуальной свободы, личной ответственности, защиты прав человека и является носителем инновационного типа мышления, в вопросе об оптимальном для России типе социально-экономического устройства и модели социальной политики практически одинаково со всем остальным населением.

От чего же зависит в первую очередь принадлежность россиян к носителям принципиально разных типов ментальности? Прежде всего это *условия социализации, тот социальный контекст, в котором происходит воспитание и становление личности.* Так, среди тех, чьи родители имели неполное среднее или общее среднее образование, свыше половины - последовательные представители традиционалистского сознания, и только каждый седьмой - представитель модернистского мировосприятия. У детей родителей со средним специальным образованием это соотношение выглядит уже как 32:34. Наконец, у тех, чьи родители имеют высшее образование, доля сторонников модернистского подхода к жизни начинает превышать число сторонников традиционализма (39:27).

Второй фактор, также отражающий условия социализации и четко влияющий на характер ментальности россиян, - *тип поселения, в котором вырос респондент.* Чем крупнее населенный пункт, тем выше среди выросших в нем доля представителей сознания эпохи модерна. Как видно из рисунка 5, традиционалистская ментальность характерна в первую очередь для тех, кто вырос в сельской местности, и в несколько меньшей степени - в малых городах. Для носителей городской культуры более характерен менталитет людей эпохи модерна, но только в крупных городах число "модернистов" начинает, хотя и незначительно, превышать число "традиционалистов".

Наконец, последний фактор, о котором нельзя не сказать в этой связи, - *фактор возраста.* Как видно из рисунка 6, молодое поколение больше тяготеет к модернизированному типу сознания, а старшее - к традиционализму. Однако даже в поколении 16 - 25-летних модернистский подход *не стал доминирующим* в отличие от последовательного традиционализма старших поколений. Это значит, что *рассчитывать на смену существующей сегодня в российском обществе социокультурной модели взаимоотношений личности и государства в обозримом будущем вряд ли возможно.*

Более того, возрастное распределение носителей различных типов сознания свидетельствует о том, что *без специальной государственной политики нельзя всерьез рассчитывать на то, что даже через 30 лет большинство населения России "само" перейдет на рельсы мышления эпохи модерна.* А без этого невозможно всерьез говорить ни об утверждении в России правового государства и идеалов демократии, ни об обеспечении ее конкурентоспособности на международной арене, ни об отказе от идеи патернализма в социальной политике.

Пассивность по меньшей мере половины населения России, нежелание что-либо менять в привычном строе жизни, ожидание государственной поддержки в обмен на лояльность к неправовой деятельности государства - вот тот балласт (и тяжелый балласт), который "тянет на дно" корабль российских реформ и попыток "модернизации сверху". И невозможно изменить что-либо в этой сфере за счет только экономических и даже социально-экономических реформ без формирования принципиально иной системы ценностей и мотиваций в ходе *социокультурной модернизации, которая должна стать самостоятельной приоритетной задачей сегодняшней повестки дня,* так же как культурная революция стала ею в 1920 - 1930-е гг.

Причем национальная специфика России в осуществлении модернизации общества как попытка догоняющей модернизации проявляется в неравномерности ее протекания

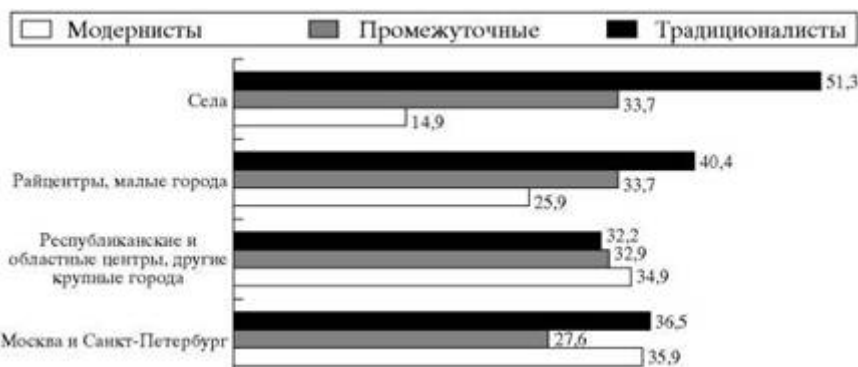

Рис. 5. Доля россиян, выросших в разных типах поселений, в составе групп с разным типом сознания (в %, без затруднившихся с ответом).

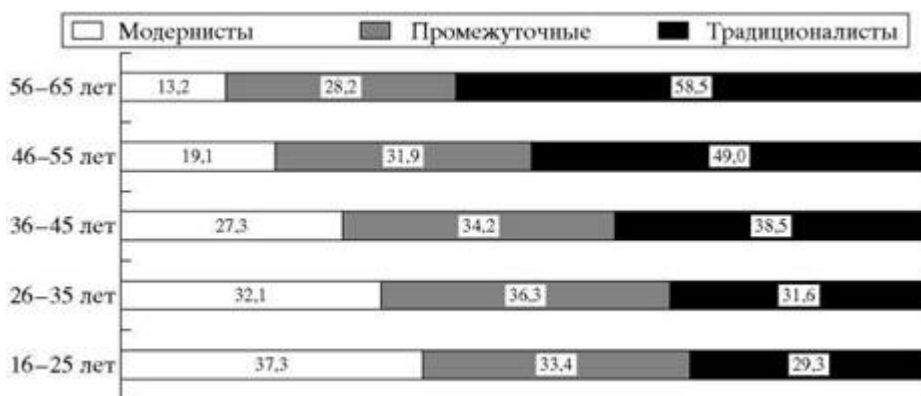

Рис. 6. Доля россиян с разным типом сознания в составе разных возрастных когорт (в %, без затруднившихся с ответом).

в различных сферах общественной жизни. И если модернизационный рывок времен И. Сталина позволил быстро вывести страну в число индустриальных держав, то социокультурная модернизация отстала от экономической на целый век. Внимание к экономической, точнее даже - военно-промышленной, стороне модернизации настолько заслонило к 1970-м гг. все остальные ее аспекты, что роль их для успешной конкуренции России на международной арене оставалась просто вне поля зрения руководства страны все последние десятилетия². Можно сказать, что разрушение традиционалистского сознания пошло в России в обратной последовательности, нежели в Европе. Там оно началось с приоритета частной собственности по отношению к остальным ее формам и затем уже пришло к правам личности. В России же оно началось с идеи личной свободы, но так и не дошло до идеи приоритета частной собственности как более эффективной.

В результате модернизационный рывок России "захлебнулся", а возможности для ускоренности движения к постмодерну оказались упущены. Социокультурная модернизация идет своим естественным путем, а не ускоренными темпами, как должно было бы быть для обеспечения способности России успешно конкурировать на международной арене. И государство даже сегодня продолжает считать, что сохранение численности армии для будущего страны полезнее, чем рост числа лиц с высшим, пусть даже не слишком качественным, образованием.

² Подробнее о проблемах инструментальной и социокультурной модернизации см. [Вишневский, 1998].

* * *

В заключение хотелось бы еще раз сформулировать основные выводы, вытекающие из проведенного выше анализа.

1. Та модель взаимоотношений общества, личности и государства, которая по-прежнему доминирует пока как нормативная в национальном самосознании, характеризуется рядом особенностей, свойственных мировосприятию определенного типа традиционных обществ. Прежде всего она предполагает, что *интересы макрообщности* - общества, народа, страны - *превыше интересов отдельных людей*, и только в этом смысле можно говорить о коллективизме россиян. Государство - лишь инструмент реализации интересов этой общности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а *государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности*. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане, партии и т.п. должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно для общества в целом, даже в случае нарушения их гражданских прав. Причем модель эта очень устойчива и доминирует в общественном сознании россиян на протяжении всего последнего десятилетия. В числе других ее особенностей - неправовой и неэкономический характер сознания, особая роль авторитетов в механизме саморегуляции общности и т.п.³, что наложило серьезный отпечаток на все социально-экономическое развитие России двух последних десятилетий.

2. Эта модель в ее современном российском варианте, однако, не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она *носит консенсусный характер* и предполагает, что *каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет другая сторона*. Главные функции государства в рамках этой модели - не только адекватно выражать текущие и стратегические интересы макрообщности, но и заботиться о минимальных текущих нуждах членов общества. Последовательная реализация этих функций - основа всей этой системы отношений, легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их "послушания", что в целом укладывается в систему патерналистских отношений.

3. Общественное сознание в сегодняшней России не монолитно. Судя по имеющимся эмпирическим данным, россияне разделились на две группы, которые условно можно назвать *"модернистами"* и *"традиционалистами"*. Первая группа составляет около четверти населения, и чуть больше ее половины - примерно 15% всего населения - образуют ядро этой группы, достаточно последовательно поддерживающее ценности, характерные для эпохи модерна. Остальное население является более или менее последовательным носителем традиционалистского сознания, причем около 40% всех россиян - последовательные традиционалисты. Однако *это разделение касается только вопроса о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека, и в этой сфере процесс социокультурной модернизации, хотя медленно и мучительно, но все же идет*.

³ Можно было бы продолжить этот ряд, демонстрируя неэкономический характер мышления россиян и особую роль в нем статусных характеристик, присущих сословной социальной структуре, восприятие свободы как воли, а не совокупности гражданских прав, специфику представлений об оптимальных моделях семьи и т.д., и лишь ограниченность объемов статьи не позволяет этого сделать, тем более, что соответствующие эмпирические данные уже были опубликованы в [Россия... 2000; Женщина... 2002; Изменяющаяся... 2004; Российская... 2005].

4. С социально-экономическими же воззрениями россиян картина принципиально иная. Даже та их часть, которую составляют сторонники индивидуальной свободы, личной ответственности, требующие от государства защиты прав человека, в вопросе об оптимальном для России типе социально-экономического устройства практически едина с остальным населением. Подавляющее большинство как российского общества в целом, так и отдельных его групп, включая предпринимателей, являются *сторонниками смешанной экономики, где частный сектор присутствует только в отраслях нестратегического характера под жестким контролем государства*, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом, *все природные богатства по определению носят общественный характер и могут быть в собственности только у государства, так же как и те отрасли социальной сферы, которые обеспечивают базовые социальные потребности россиян*. Причем целью экономического развития страны должны быть, с точки зрения рядовых россиян, *социальные, а не экономические приоритеты*. И даже если на практике этот приоритет социальных функций государства по отношению к экономическим будет означать относительное снижение эффективности экономики, у россиян это встретит поддержку, так как в большей степени будет соответствовать их представлению о том, зачем вообще нужно государство.

5. Естественно, в таких условиях говорить о возможности модернизационного рывка России в рамках либеральной модели или о последовательной демократизации страны означает в лучшем случае смешивать желаемое и возможное. Учитывая господство традиционалистской по сути своей модели сознания с характерным для ее азиатского типа легитимным всевластием государства, вполне естественно, что *те возможности демократизации страны, в том числе и создания в ней нормальной конкурентной среды и бурного экономического развития, которые были в начале 1990-х гг., не были и не могли быть использованы*. Иного было не дано просто в силу того, что внешние по отношению к экономике, социокультурные в своей основе, факторы не предоставляли возможности естественного развития событий подобным образом.

6. Недовольство россиян функционированием как государства в целом, так и практически всех, за исключением Президента РФ, органов и структур власти, деятельность которых в корне не соответствует идеальной модели взаимоотношений общества, государства и личности, до сих пор доминирующей в общественном сознании, создает в обществе если и не протестный потенциал, то основу для серьезного идеологического кризиса. В перспективе, если государство, а точнее, бюрократия, являющаяся господствующим классом современной России, так и не пересмотрит целей и принципов своей деятельности, *этот кризис может привести к замещению традиционалистской модели более современными представлениями*. В этом случае возникнут качественно иные условия для дальнейшего развития как российского общества в целом, так и экономики страны. Вторым относительно благоприятным для экономики и социально-экономического положения населения, хотя и малореальным вариантом развития событий, мог бы выступить *пересмотр правящим классом принципов своей деятельности и учет национальной специфики в определении целей развития страны и методов их реализации*. Худшим, но наиболее реальным вариантом выступает сохранение нынешних тенденций при развитии в обществе апатии и социальной аномии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Женщина новой России. М., 2002.

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.

Российская идентичность в условиях трансформации. М., 2005.

Россия на рубеже веков. М., 2000.

Тихонова Н. Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.